

состоянии и отношении городских кури́й произошли значительные перемены не чрез сознательное действие кунигов, а чрез влияние самих событий. Мы знаем уже, как было бедственно положение курялов: они отвечали пред римским правительством во всех убытках и недоимках областей и округов и платили за все это государству свою собственностью. Курии, таким образом, пожрали все благосостояние римского среднего общества; под конец закон римский освобождал богатых преступников и наказывал их местом в курии.

Когда провинции отложились от Империи и аристократические роды перестали ездить в Рим для заседания в сенате, тогда аристократия нашла себе удобным и приличным занять место в куриях, и во второй половине V столетия курия получает в Галлии совершенно новый характер и получает даже иное название: Сидоний Аполлинарий называет курию благородным сенатом³. В состав курялов вошли лица сенаторских фамилий, изъятые от повинностей. В городах было безопаснее в эту эпоху смутных движений, и поэтому из загородных имений сюда переехала значительная часть аристократии и усилила значение курии. Духовенство должно было занять относительно варваров новое положение и вступить в небывалые до того отношения, и это была, нужно сказать, одна из блестящих эпох западной церкви, одна из тех страниц ее, которая упрочила надолго законное преобладание этого сословия над всеми другими. Как ни были германцы приучены к римской почве и форме, тем не менее, однако ж, между ними и коренными жителями, туземцами-римлянами, было множество недоразумений, частых столкновений в нерешенных пунктах. Посредниками явились епископы Галлии. Они окружили кунигов, стали, с одной стороны, во главе их советов, с другой — во главе курии и отвели те удары, которые часто неминуемо должны были разразиться над туземными жителями со стороны варваров; прибавим к этому еще то, что из среды самого галло-римского народонаселения выходили часто лица, которые хотели и старались соблазнить кунигов к тяжким мерам для народонаселения туземного, чтобы этим выслужиться у германцев; работа направления всего этого лежала на духовенстве.

В конце V — начале VI столетия мы видим возникновение новых законодательств. Германские куниги поняли, что нельзя было по одному и тому же уставу править и галло-римлянами, и дружинами, что понятие и привычки этого двоякого отдела их подданных различны; о слиянии их в одну национальность нельзя было и думать. Мы видели успех таких попыток при Дитрихе Великом в Италии. Теперь возникают законодательства у бургундов и вестготфов. У вестготфов, по свидетельству современников, еще король Эйрих, умерший в 484 году, велел собрать старые обычаи своих предков и своего племени и предать их письму для употребления именно вестготфов: это⁴ собрание не дошло до нас^{4а}. В 484 году

^{4а}— ГБЛ, ф. 178, 3598, XXI: этот сборник до нас не дошел, но послужил основанием для будущего зак[он]оположения (л. 58 об.).